

Феликс Давидович Кривин
Слабые мира сего

Феликс Давидович Кривин не раз издавался в библиотеке «Крокодила». На страницах журнала регулярно печатаются его ироничные новеллы-притчи о представителях живой природы. В книжку «Слабые мира сего» включены «Записки юмориста из живого дома природы».

Феликс Кривин
Слабые мира сего
ЛЮБОВЬ И ВЛАСТЬ

Симбиоз

Долго Рак жил отшельником, одиноким и угрюмым Раком-отшельником, и сидел в своей раковине, с отвращением глядя на мир. Он лениво заглатывал то, что само плыло ему в рот, а если вздумывал идти погулять, то тащил на себе свою раковину, потому что не доверял этому подводному миру.

Конечно, хорошо бы с кем-то скоротать одиночество, но ведь попробуешь скоротать, а получится на всю жизнь, потом не развяжешься. Правда, может случиться, и повезет, как, например, раку Пагурусу. Его актиния Сагартия раскрывается только перед раком Пагурусом, а для всех остальных сердце ее закрыто. И когда какой-нибудь другой рак говорит ей: «Сагартия, ну чего ты в самом деле, ведь один раз живем!» — актиния Сагартия дает этому раку такой ответ, какого он, безусловно, заслуживает. И как бы долго ей ни пришлось ждать рака Пагуруса, она все равно будет его ждать, потому что знает: рак

Пагурус идет к ней, минуя всех на свете актиний, он идет к ней, единственной для него актинии Сагартии, он идет к ней, ее единственный рак Пагурус.

Сентиментальные сказки! Рак-отшельник считает, что это сентиментальные сказки. К сожалению, в жизни видишь другое, в жизни видишь актинию Антолобу, которая сама выбирает себе спутника и сама определяет, какой отрезок пути пройдет с ним. Собственно, пройдет — это только так говорится. Идет ее спутник, а Антолоба сидит у него на спине и поглядывает по сторонам, выбирая более подходящую спину. Сама-то актиния не продвинется ни на шаг, поэтому главная ее цель — оседлать кого-нибудь.

Не-ет, Рак-отшельник не даст себя оседлать, он скорее последует примеру вон того Краба.

Этот Краб устроился неплохо, у него по актинии на каждой клешне. Для кого-нибудь это был бы трагический треугольник, но Краб не видит в этом трагедии. «Я люблю тебя, Краб!». «Я люблю тебя, Краб!» «Мы любим тебя, Краб!» И что же отвечает на это Краб? Он отвечает одно: «Занимайтесь-ка своим делом!» А дел у актиний много: они и кормят Краба и обороняют его от врагов, — словом, выполняют всю мужскую работу. Потому что Краб — настоящий мужчина, а за настоящих мужчин выполняют работу женщины. И живет Краб, как настоящий мужчина: по актинии на каждой клешне. «Я люблю тебя, Краб!» «Я люблю тебя Краб!» «Занимайтесь-ка своим делом!»

Рак-отшельник охотно последовал бы примеру Краба, но у него не было таких клешней, чтобы на каждой устроить по актинии. И он жил отшельником и таскал на себе свою раковину, а больше никого не таскал.

Но в один прекрасный, очень прекрасный, быть может, самый прекрасный день он встретил актинию Адамсию.

Она приглянулась ему тем, что была одна, как и он, совершенно одна посреди этого общего для них окружения. И Рак сказал ей:

— Вы совершенно одна.

— Да, я одна, — сказала ему Адамсия.

Конечно, она была совсем не то, что Сагартия, но ведь Сагартия была не одна, так что тут уж ничего не поделаешь. Адамсия же была одна, совершенно одна...

— Я тоже совершенно один, — сказал Рак и почему-то добавил: — А дом у меня хороший, надежный дом. И всякой пищи хватает.

Не то чтобы Рак представлял какой-нибудь интерес, но Адамсия посмотрела на него с интересом.

— Как это чудесно, что мы одни, что мы оба одни, и что дом, и все остальное... — сказала Адамсия, и с этого момента, с этого замечательного — ну, во всяком случае, знаменательного — момента Рак перестал быть отшельником. Он посадил Адамсию на свою раковину, и так они стали жить.

— Мое сердце было для всех закрыто, — говорила Адамсия, потому что ей была известна история Сагартии и рака Пагуруса. — И как бы долго мне ни пришлось тебя ждать, я бы ждала все равно...

— Потому что ты знала, что я все равно приду, — подхватывал Рак, припоминая ту же историю. — Ты знала, что я иду к тебе, мимо всех на свете актиний я иду к тебе, моей единственной Адамсии...

— Мой единственный Рак-отшельник!

Сентиментальная сказка превращается в сентиментальную быль, и тогда уже вовсе не кажется сентиментальной. Рак-отшельник любил Адамсию, да, конечно, он любил ее, потому что она охраняла его уют. А она, в свою очередь, любила, ну естественно, любила его, потому что он давал ей и кров и пищу.

В науке это называется симбиоз, то есть сожительство с взаимной выгодой, но Рак и Адамсия были в науках не сильны, и свои отношения они называли любовью.

Золотое правило

Сейчас самое время поговорить о любви. О любви созидающей, а не разрушающей, о любви укрепляющей, а не расслабляющей, о настоящей любви.

Когда дружок Прыткой Ящерицы хватает ее за хвост, у нее не отрывается хвост, как в других, пусть даже не несчастных, но, уж конечно, не настолько счастливых случаях. У нее не отрывается хвост, чтобы не оскандалить ее перед другом.

Разве можно полюбить ящерицу без хвоста? Вы бы, например, полюбили ящерицу без хвоста? Поэтому хвост держится крепко: чтобы и самому удержаться и друга возле себя удержать.

Ведь в любви знаете как? Голову не теряй, сердце раздели с другом, а хвост свой отдай врагу. Золотое правило ящериц.

Любовь и власть

По своему устройству курятник ближе всего к конституционной монархии: петух в нем царствует, но не правит.

А правят курятником три курицы, три министерши, которые жестоко клюют подданных, видимо, за недостаточную любовь к королю.

Министерши очень любят своего короля, но почему-то не пользуются взаимностью. Простым курицам, лишь простым курицам отдает свое сердце конституционный монарх, и они в его сердце царствуют. Царствуют, но не правят.

Свадьба

Орел-скоморох на своей свадьбе сам и орел и скоморох, сам и музыка, и песни, и танцы! Не плавные па (па вперед, па в сторону), а настоящие антраша, двойные и тройные кульбиты. Орел — скоморох выступает, как воздушный гимнаст: все свои номера он выполняет в воздухе. Причем выполняет не так, как это бывает, когда работаешь на публику, а так, как это бывает, когда работаешь на себя, когда выступаешь на собственной свадьбе.

— Скоморох! — уныло замечает Орел-могильник, который и на свадьбе не теряет уныния, который пронесит его через всю жизнь — к своей заранее намеченной цели. — И чего веселиться? Ну, свадьба. Потом будут похороны...

Орлу-могильнику не нравится Орел-скоморох. Впрочем, скоморох и не стремится ему понравиться. Он хочет понравиться своей невесте, такой же скоморошке, которой только дай поскакать, особенно на собственной свадьбе. «Скачи, скачи, — размышляет Орел-могильник на ее счет, — после свадьбы наскочишься...»

И она скачет. Она выкидывает все эти антраша, все эти двойные и тройные кульбиты,

словно в жизни ее произошло невесть какое событие.

А какое событие?

Ну, свадьба. Ну, нашелся такой же, как и она, скоморох, который польстился на такую же, как и он, скоморошку. Так уже, значит, прыгать, скакать? Словно ты не орел, а блоха, простите за выражение.

ТЬфу!

Орел-могильник произносит мысленно «тьфу!», как бы подводя итог своим размышлениям. А чего размышлять-то? Стоит ли по этому поводу размышлять?

Ну, свадьба. Потом будут похороны. И между тем и другим один шаг. Одно па, выражаясь по-скоморошьи.

Отчего светлячки — Светлячки?

Светлячкам повезло. Сами-то они невидные, неприметные, одна слава, что светлячки. А откуда слава? От жен. Это жены их светятся, пока мужья где-то летают.

И пока мужья где-то летают (а они только и делают, что летают), жены их сидят дома и светятся, светятся своей верной любовью. И от этой любви светлячкам светло—и во тьме светло и в беде светло, хотя сами они почти не умеют светиться.

Личная жизнь инфузории Туфельки

Когда Туфельке хорошо, она размножается обычным делением, а когда Туфельке плохо, она заводит семью. Дело житейское.

Пока хорошо, можно и без семьи размножаться, а станет плохо, тогда заводи семью. Как говорится у Туфелек, ищи себе пару.

Макропод и его Макроподиха

Даже в воде можно строить воздушные замки. Для этого берутся пузырьки воздуха и осторожно, чтоб они не полопались, переносятся на дно моря, океана или, в худшем случае, аквариума. Здесь нужно аккуратно сложить пузырек на пузырек, и от того, как они будут сложены, зависит архитектура воздушного замка, а также его полезные качества.

Макропод с большим искусством строит воздушные замки, но хозяин в них не он, а его сварливая жена Макроподиха, которая любой воздушный замок превращает в каменную тюрьму.

Макроподиха передралась со всеми соседками, она очень не любит соседок, потому что ей кажется, что всех их любит супруг ее, Макропод. Да, неважный характер у Макроподихи.

Но Макропод строит воздушные замки и, конечно, многого не замечает. И даже когда жена его бросает детей — еще икрытами она бросает их где придется, — Макропод подбирает их осторожно, как воздушные пузырьки, и несет в свой воздушный замок. Здесь он укладывает их под воздушными пузырьками так, что на каждого икренька приходится по воздушному пузырьку.

— А на меня что приходится? — кричит жена Макроподиха, которую можно было б назвать и матерью, если б можно было назвать.

Макропод нянчит икрыт и поет им колыбельные песенки, которые, однако, совсем не слышны, потому что их всегда заглушают скандалы. И под эти скандалы, заменяющие им колыбельные песенки, икрыта растут, подрастают, постепенно превращаясь в маленьких макроподов-мальков.

— Смотри, они уже сами плавают, — говорит растроганный Макропод.

— Плавают! — свирепеет жена Макроподиха. — Они, мне тут все перебьют. Это ты, ты научил их плавать!

И она начинает гоняться за своими детьми, и Макропод видит, что она готова их

съесть. И тогда он сразу преображается.

Боже мой, что с ним произошло? Макроподиха не узнает своего Макропода. Ей становится страшно оттого, что она его не узнает, и она говорит:

— Макропод, это ты? Посмотри, это я, твоя Макроподиха!

И Макропод постепенно приходит в себя. Да, конечно, это она, его Макроподиха. Его жена Макроподиха. Мать его любимых детей...

— Любимых детей? А я тебе кто? Не любимая?

Ругается Макроподиха, скандалит, но Макропод уже не слышит ее. Он уже опять строит воздушные замки. (Кстати, вы не забыли, как строятся воздушные замки? Сначала берутся пузырьки воздуха, а потом аккуратно складываются — пузырек на пузырек...)

Жизнь комариная

Комара Пискуна принято считать кровососом, но считать так может лишь тот, кому неизвестна его семейная жизнь...

Жил комар Пискун холостяком, роился с такими же, как и он, пискунами. Собирались по вечерам, перепискивались между собой без каких-то там серьезных проблем, но и без глупостей. Молодежь, известное дело, ей только дай попищать.

Так и роились они, не зная забот, пока не случилось это несчастье. Какая-то залетная комариха умыкнула комара Пискуна, оторвала его от друзей, от привычного общества. Говорят, это любовь с первого взгляда, но какая там любовь — один взгляд. И нет комара Пискуна. Не существует его, по крайней мере для общества. Тут уже ни пороиться, ни с товарищами попищать. Сиди, строй семью. А из чего ее строить?

В этом-то весь вопрос. Видно, не зря называют их кровососами.

Хотя вообще-то, как утверждает наука, комары крови не пьют. Конечно, выпить они могут, да и как не выпить, если все время вертись возле воды, но чтобы пить кровь — нет, в смысле крови комары непьющие. Комарихи — вот кто настоящие кровососы, вот кто никого не щадит.

Так утверждает наука, но в народе считают не так. В народе считают: если ты живешь с кровососом, если ты водишься с кровососом, если ты миришься с кровососом, значит, ты сам кровосос.

Даже если ты в смысле крови непьющий.

Семейство Толкунчиков

Сказать по правде, какой из Толкунчика жених? Нос длинный, ноги длинные, а голова такая маленькая, что даже сомневаешься, сможет ли Толкунчик подумать о семье. Да, на такого поглядишь — не обрадуешься. Муха он или не муха? Ножищи кривые, лохматые, а по всему телу плешь. Как будто когда засевали Толкунчика, начали с его ног, а на остальное не хватило посевного материала. А нос у Толкунчика что портновская игла. Такой бы нос Муравью-Портному, Муравей-Портной скотил бы на нем состояние. А Долгоносик-Фрачник уж такой бы сшил себе фрак! Но Толкунчик не портной, и никакой он не фрачник. На него хоть шей, хоть не шей — главное наруже останется.

Такой он, Толкунчик. Как говорят, не подарок, тем более не свадебный подарок и тем более не в качестве жениха. Поэтому, чтобы как-то поднять это качество, Толкунчик является к своей невесте с подарком. Он приходит с мешком, как какая-нибудь Бабочка-Мешочница, а в мешке у него мошка или мушка — словом, приданое. При другой внешности можно бы приданое взять с невесты, но при такой внешности — спасибо что хоть от тебя соглашаются взять.

Впрочем, тут дело не только во внешности. Тут дело в характере невесты, вернее, жены. Потому что как только невеста становится женой, она готова съесть своего мужа Толкунчика.

Вы видели такое?

Пока она невеста, она готова его любить (хотя любить Толкунчика — это, можно сказать, подвиг). Но едва став женой, она готова съесть своего мужа Толкунчика. Где такое видано? Разве что у пауков, где мужья частенько сбегают от жен, потому что те их буквально съедают. Можно, конечно, сбежать от жены, но Толкунчик не сбежит, хотя ноги у него как будто специально для этого приготовлены. Толкунчик старается задобрить свою жену после того, как она перестает быть невестой.

Что имеем, не храним... Бабочка-Мешочница вообще без мужа живет, вот бы она, наверно, любила своего мужа! Но она живет без мужа, да и жизни ее — каких-нибудь несколько минут. Без мужа долго не проживешь. Дать Бабочке-Мешочнице мужа, она бы, конечно, пожила да еще бы благодарила. А жене Толкунчика этого не понять. Она считает, что без мужа она не останется. Разве на свете один Толкунчик? На свете много Толкунчиков. С таким носом.

Следила бы за своим носом — это было бы самое правильное. У самой нос что твой шприц, что твой заступ. Дали б такой шприц Жуку-Пилюльщику, он бы весь мир вылечил без пилюль, а Жук-Могильщик с таким заступом всех уложил бы в могилу. И в общем, если честно сказать, у Толкунчика жена ничуть не лучше самого Толкунчика.

Но это если честно сказать. А вы пробовали ей честно сказать? Ну-ка, ну-ка, попробуйте ей честно сказать! Вот когда вам пригодятся длинные ноги.

Чтобы быть красивой лягушкой...

Лягушка, которую обычно называют Стеклоанной, хотя она совсем не стеклянная, право же не стеклянная, старается делать все, чтобы быть красивой лягушкой. Если не заботиться о том, чтобы быть красивой лягушкой, можно так себя раскормить! А ведь толстые лягушки обычно самые некрасивые.

У Стеклоанной лягушки прозрачный живот, это очень важное преимущество. Проглотила букашку, вторую, третью — стоп! Посмотри на живот, посчитай. Если не считать, то можно так себя раскормить, что ни в какое болото не поместишься. Почему свиньи такие толстые? Почему носороги такие толстые? Почему бегемоты такие толстые?

Потому что они не считают. Потому что у них непрозрачные животы.

Квакша-Кузнец

Квакша-Кузнец отнюдь не кузнец своего счастья. Кузнец его счастья — его жена.

И пока она кует его счастье, он сидит у нее на спине и следит за тем, чтобы все было как положено: и дом, и уют, и все остальное. Правда, ни во что не вмешивается, тихо сидит.

А вокруг шумят товарищи его, кузнецы, те, которые еще не успели обзавестись женами. Они шумят, потому что тоже хотят ковать свое счастье. Тихо сидеть, чтоб не спугнуть своего счастья...

Ведь сам Квакша-Кузнец, в сущности, не кузнец своего счастья, а жену так легко спугнуть, когда сидишь у нее на спине.

Берегитесь спугнуть кузнеца вашего счастья!

Квакша в семейной жизни

Квакши очень плохие матери, и по этой причине все заботы о детях ложатся на плечи отцов. Отец присматривает за детьми, когда они, еще совсем маленькие и невылупившиеся, лежат где-нибудь под кустиком, где их оставила беззаботная мать, а когда дети вылупятся, отец взваливает их на себя и несет в ближайшую воду.

— Мама! — говорят ему дети, и он откликается, хотя он совсем не мама, а в душе ругается, как может ругаться только отец.

— Мама! — ругается он. — Взять бы такую маму да выбросить, чтоб не пугалась зря в семье!

Так грубо говорит он в душе, а вслух выбирает слова поласковой, потому что дети нуждаются в ласке.

— А где ваша супруга? — спрашивают у него знакомые, видя, как он несет на себе детей. — У вас такая красивая супруга, ее повидать — одно удовольствие, так почему же ее не видать?

Знакомые всегда выберут, что спросить, — так, что им не выберешь, что ответить. И отец Квакша им не отвечает, он идет дальше, по-прежнему ругаясь в душе:

— Красивая! Прыгать — конечно, красивая! На солнышке загорать — красивая! А каково в жизни? В семейной жизни?.. И почему это у нас так устроено: либо жена красивая, либо красивая семейная жизнь?

Мухолов-Пеструшка

Пеструшка, старый мухолов, знал когда-то немало песен. И он пел их, вылетая на мушиную ловлю, нисколько не боясь распугать мух. Напротив, мухи, казалось, сами летели на песни и, заслушавшись, даже не замечали, как он их ловит.

Пеструшка, старый мухолов, был тогда молодым мухоловом, и он исполнял три тысячи шестьсот песен в день, совмещая это с продуктивной мушиной ловлей. Хорошие были песни, и мухи были хорошие, и Пеструшка, старый мухолов, был хороший, потому что он был тогда молодой мухолов.

А потом появилась Мухоловка-Пеструшка, которая тоже показалась хорошей, хотя не знала никаких песен и не очень удачно ловила мух, но это ей прощалось, потому что она была молодой мухоловкой, да и сам Пеструшка был молодой мухолов.

Сколько времени прошло с тех пор? Может, и немного... Но Пеструшка, молодой мухолов, превратился в старого мухолова. Семья большая, только мух ловить поспевай. И песен он теперь исполняет всего лишь тысячу двести в день — всего-навсего тысячу двести, да и сами песни уже не те...

Потому что старая его мухоловка ждет от него не песен, а мух... И молодые его мухоловки ждут от него не песен, а мух...

И мухи летят, слетаются, как в прежние дни.

Видно, только они ждут от Пеструшки песен.

САМАЯ НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА

Дети ринодермы

В семье лягушки Ринодермы отец проглатывает своих детей еще в младенческом возрасте. И это не за какие-то проступки, не в качестве меры наказания, как это делает иногда рыба Щука, не умеющая иначе воспитывать своих детей. Отец Ринодерма глотает детей из соображений профилактических, чтобы оградить их от пагубного влияния внешней среды. Ведь ни для кого не секрет, что влияние среды сплошь и рядом противоположно влиянию родителей, вот Ринодерма и глотает свое потомство, чтобы в одном лице совместить и родителя и среду. Ну, конечно, держит он их в специальном помещении, в так называемом голосовом мешке (чтобы детям был слышен голос родителя).

— И чего вы их там держите? — удивляются соседи лягушки. — Вы посмотрите на наших детей: только вылупились, мы их сразу же в воду. Пускай плавают, привыкают к самостоятельности, набираются сил...

— Знаем мы эту воду, — отвечает отец Ринодерма. — Ничего в ней не наберешься, кроме простуды.

— Но ведь нужна же детям какая-то среда...

— Среда?! — повышает голос отец Ринодерма, чтобы дети там, в голосовом мешке, хорошо его слышали. — Среда — чтобы в ней утонуть? Чтобы она подхватила, закрутила и понесла по течению?.. Родители — вот среда! И никакой другой среды детям не требуется!

Отец Ринодерма очень любит своих детей, и он выпускает их из мешка лишь тогда, когда они совершенно вырастут. И тогда они, взрослые лягушки, впервые видят окружающий мир, видят, как светит солнце, как плещет о берег вода и как плывут по воде...

— Папа, кто это там плывет?

— Это? Разная шантрапа... головастики...

Головастики... Как они плещутся там, в воде... Такие маленькие и такие веселые...

— Посмотрим, что из них вырастет, — говорит отец Ринодерма.

Головастики... Счастливая пора, не похожая на жизнь взрослых лягушек... Дети Ринодермы, уже взрослые дети, смотрят на эту счастливую пору, на чужую счастливую пору, и вздыхают:

— Мы никогда не были головастиками...

Это грустно — вот так смотреть и вздыхать о том, чего не было и уже никогда не будет... Быть головастиком — о, это сможет понять лишь тот, кто никогда, никогда не был головастиком...

Инстинкт сопровождения

Стоит Лосенку отбиться от матери, и он не знает, куда идти. Ведь сам он не выбирает дорог, он лишь сопровождает тех, кто выбирает дороги.

Пройдет мимо Корова — Лосенок за Коровой пойдет. Пройдет мимо Лошадь — пойдет за Лошадью. А Медведь пройдет — Лосенок увяжется за Медведем. Можно себе представить, куда его заведет Медведь!

Но что делать, такой уж у Лосенка инстинкт — инстинкт сопровождения большого животного. Кто побольше, за тем и иди. Неважно куда, но иди. Потому что сам ты не выбираешь дорог, ты лишь сопровождаешь тех, кто выбирает дороги.

Самая начальная школа

Птицы еще в яйце изучают географию. Как пролететь из Европы в Африку, как из Америки вернуться в Европу — все это им становится известно еще в яйце. А как же иначе?

Ведь прежде чем отращивать крылья, нужно знать, куда полетишь.

А если не знаешь, куда полетишь, — незачем отращивать крылья.

Гетеронетта

Об утке Гетеронетте ходит дурная слава, которая отразилась даже в ее названии. Как известно, порядочную утку гетерой не назовут, а порядочную мать — и подавно. Дело в том, что по сложившимся утиным понятиям порядочная мать сама высидит птенцов, а утка Гетеронетта перепоручает это другим, кладя яйца в чужие гнезда.

— Прямо кукушка! Разве это настоящая мать?

А Гетеронетта — мать, и притом самая настоящая. Вот она подложила яйцо в гнездо сокола, а почему? Потому что ей хочется, чтобы вырос у нее сокол. Это был бы первый в ее роду сокол... Наши дети должны быть лучше нас.

Наши дети... Ничего для них не жалеешь, делаешь все, чтобы они вырастали соколами, а кем они вырастают? Посмотрите, кем вырастают дети утки Гетеронетты. И это в таких условиях, о которых другие утки могут только мечтать...

Опыт Савки

Яйцо утки Савки само себя высидит. Не то чтобы у Савки не хватало для него тепла — у матери всегда хватает тепла, да и у отца при желании. Но ведь никакой родитель не высидит яйцо так, как оно само себя высидит.

— Я, брат, в твоём возрасте ни на кого не рассчитывал, сам себя согревал. А как же иначе? Если сам тепла не имеешь, на чужое рассчитывать не приходится.

Яйцу утки Савки не приходится рассчитывать на чужое тепло: родители скрылись, оставив ему лишь свой педагогический метод. И по этому методу каждый высидивает себя сам. Не можешь высидеть себя сам, не надейся, что тебя кто-то высидит!

Аксолотль

У саламандры Амблистомы сынок Аксолотль ещё совсем дитя, а уже размножается.

— Перестань размножаться! — делает ему замечание Амблистома. — Разве ты не понимаешь, что хорошие дети так себя не ведут?

Аксолотль ничего не понимает, но думает, что он все понимает. Он думает, что он уже взрослый. А какой он взрослый? Он ещё ни на шаг от воды, даже по земле не научился ходить. А ведь для того, чтобы стать взрослым, нужно сначала стать на ноги.

— Может, вырастет — поумнеет, — утешает себя его бедная мать.

Но Аксолотль не растёт и не становится на ноги. Чтобы ему стать на ноги, нужно чтобы в пруду высохла вся вода или произошло ещё какое-то бедствие...

Неблагоприятные условия действуют на Аксолотля благоприятно, и он перестаёт быть легкомысленным Аксолотлем — теперь он саламандра Амблистома, этому научила его нелегкая жизнь. И он говорит своему сынку Аксолотлю, для которого, кажется, созданы все условия:

— Аксолотль, перестань размножаться! — и утешает себя: — Может, вырастет поумнеет.

И создаёт ему все условия, в которых никогда не поумнеет и не вырастет Аксолотль. Потому что такой уж он, Аксолотль: только неблагоприятное для него благоприятно.

Путь Зайца

Зайчонок-Беляк не знает ни крова, ни родительской ласки. Едва он откроет глаза, родители врассыпную. Бывают дети, от которых родителям хочется врассыпную, но здесь дело не в детях. Конечно, можно друг друга держаться, когда имеешь крепкие копыта или рога, но когда нет ничего, кроме длинных ушей, за что ж тут держаться? И родители, наскоро покормив малыша, припускают в разные стороны, предоставляя Зайчонку самому подниматься на ноги и выбирать жизненный путь.

Пройдёт Зайчонок немного, а там, глядишь, какая-нибудь Зайчиха, сбежавшая от собственных детей: «Ой ты мой бедненький, иди, я тебя покормлю! Где-то и мой вот так же бродит...» И вторая Зайчиха покормит, и пятая, и десятая, так что пока Зайчонок в возраст войдёт, порядочно родителей переменит. Все чужие — и все свои.

У тех, понятно, у кого зубы да когти, — все чужие. У тех, у кого рога и копыта, — все свои. Ну, а у тех, у кого нет ни того ни другого, — все чужие и все свои. И потому у них главный закон — врассыпную.

Золотополосый Афиосемион

(Семейство Карпозубых)

Золотоволосый Афиосемион, которого для краткости можно называть Семеном, живёт в болоте, в котором грязи хоть отбавляй, а сырости, надо прямо сказать, не хватает. Жил бы Семен в Европе или, допустим, в Америке, ему бы вода, как говорится, падала с неба. А в Африке жди, когда она тебе упадёт. Пока с неба упадёт, в своём болоте вся пересохнет.

Те рыбы, которые имеют для своих детей океан, редко думают о том, что из их детей

вырастет. У Семена нет океана. И никогда не будет у него океана. И у его детей не будет никогда океана. И к этому он готовит своих детей.

Он высушивает свою икру, хорошенько высушивает, чтобы эта икра, когда она станет взрослой, не боялась самой суровой засухи. Он закаляет свою икру на жаре, потому что он понимает: его детям мало что упадет с неба.

Очень важно приучить детей, что им не упадет с неба, что нужно пройти через трудности, если хочешь вырасти не каким-нибудь Лиогнатом (которого для краткости можно назвать Игнатом), не каким-нибудь Барбоурисом (которого для краткости можно назвать Борисом), а настоящим, сильным, закаленным в сухих песках Золотополосым Афиосемионом. Которого для краткости можно назвать Семеном.

СВОЙ СРЕДИ СВОИХ

Пловец в пустыне

Песок струится под ветром, вздымая волны барханов, он покрывается зыбью, зыбучей, словно вода. И уходит за горизонт, не скованный берегами, с тихим шуршанием — сухим плеском... Те, кто в этом шуршании не слышит плеска воды, никогда не полюбят пустыню так, как любит ее игуана Ума.

Там, где того, кто не любит, подстерегает опасность, того, кто любит, ожидает спасение. Игуана Ума в случае опасности ныряет в песок, как можно нырять только в воду, и плывет под песком, как плывут под водой те, для кого вода — родная стихия.

Когда стихия родная, она ведет себя, как родная, — будь то вода, воздух или песок. А когда стихия чужая, она тебя иссушит в воде, утопит в самой безводной пустыне.

Такова природа вещей. Такова природа. Либо она родная стихия, либо стихийное бедствие.

Два метода скользить по поверхности

Водомерка совсем не умеет плавать, хотя живет постоянно в воде. Собственно, живет она не в воде, а на воде, на самой ее поверхности. И Водомерка скользит по этой поверхности, меряя воду не вглубь, а вширь и умудряясь не замочить ног и не замутить водной глади. Потому что если замочишь ноги — беда, и если замутишь воду — беда, и если чуть-чуть углубишься — тоже беда. А чтоб не было беды — лучше всего скользить по поверхности.

Впрочем, и по поверхности можно скользить по-разному: ведь поверхность-то имеет две стороны.

Водяной Жук бегает по водной поверхности снизу, как муха по потолку. Это очень удобно: и пол под ногами и одновременно крыша над головой. И дождь не намочит, конечно, если из воды не высовываться...

Скользить, чтоб не высовываться, и скользить, чтоб не углубляться, — вот два метода

скользить по поверхности, которыми пользуются водомерки и водяные жуки.

Плечо друга

Процеродес, морской червь, приучен к соленой воде, и он тяжело переживает ее опреснение.

Но в компании он уже не так переживает: он видит, что и другим тяжело, а когда червь видит, что другим тяжело, то от этого червь становится легче.

Упрямая рыба Форель

Тот, кто плывет против течения, никогда не выйдет в открытое море. И никогда он не достигнет настоящего роста. Он навсегда останется в тесных речных берегах.

Большому кораблю большое плавание, малому кораблю малое плавание. Форель никогда не станет большой, как другие лососи, и не будет ей большого плавания — в океан.

Потому что всю жизнь она плывет против течения. Только против течения. Поэтому ей не достичь настоящего роста и моря никогда не достичь.

Хотя всем открыта дорога в море.

Но, конечно, не тем, кто плывет против течения.

Мышовка

Мышовка в любые руки пойдет, только протяни руки. Она совсем ручная, хотя никто ее не приручал, она просто по природе своей ручная.

Потому что Мышовка маленькая, а маленькому лучше быть ручным, иметь руки, которые и накормят, и защитят, и согреют в своих ладонях.

Мышовка ручная, потому что воля ей совсем не нужна. Мышовке не воля нужна, а неволя. Прекрасная вещь — неволя! На воле, правда, больше простора, но для Мышовки воля чересчур велика, ей нужна маленькая, спокойная неволя, благоустроенная неволя, потому что воля никогда не бывает благоустроенной,

Квартира Слепыша

Слепыш устроился под землей, но с комфортом. Сыровато правда, темновато, зато все удобства. Есть где развернуть семейную жизнь.

Залетит какой-нибудь воробей, стукнет у входа, а Слепыш снизу:

— Кто там?

Если волк — не откроет дверь, если лиса — не откроет. Ну, а если воробей — почему не открыть?

Выглянет Слепыш, насколько глаза позволяют, и сразу квартиру показывать, будто воробей просится к нему на постой:

— Вот это у меня галерея, это — кладовые для хранения зерна, здесь туалет — в общем, подсобные помещения. А здесь у нас детская, а здесь наша с женой, мы ее называем свадебной.

Свадебная комната — придумают же такое! Раз в год свадьба, а комната — круглый год! Да, живут слепыши, устраиваются. И наверх не лезут, не то, что мы, воробьи.

— Мы наверх не лезем, нам и тут, внизу, хорошо...

— Да, вам хорошо, — позавидует воробей. — Мы у себя наверху что видим? Это вы видите, слепыши.

И полетит воробей вверх. А что делать? Такая уж наша участь воробыная: и ничего там не видим, и никакой от этого радости, а все равно лезем вверх.

Змеи среди своих

Гремучие змеи любят между собой погремечь, но при этом дело никогда не доходит до яда. Яд — это для чужих, а между своими открытая схватка, пусть жестокая, но открытая. Не жалить втихомолку, а погремечь и разойтись — так поступают гремучие змеи.

А Кобра плюется ядом на расстоянии. Кто дальше плюнет, кто скорей попадет.

— А еще в очках! — говорят о Кобре, для пущей оскорбительности называя ее Очковой Змеей. — Нацепила очки и плюется.

Конечно, при таком поведении вроде очки не к лицу. А если к лицу очки, то не к лицу поведение.

Но, с другой стороны, когда плюешься на расстоянии, неплохо надеть очки. А когда наденешь очки, как тут не плюнуть? Даже на расстоянии..

Большой Водолюб

Жук Большой Водолюб всеми признан большим водолюбом.

— Все мы вышли из воды, — говорит Большой Водолюб, припоминая те времена, когда все мы вышли из моря на сушу. — И пусть мы ушли далеко, пусть мы поднялись высоко, но мы не должны забывать о воде, которая дала нам ноги и крылья.

Жук Большой Водолюб поднялся высоко, но плавать он почти разучился. Приходится больше летать. И пусть не говорят, что он оторвался от воды, хотя он, конечно, от нее оторвался, но пусть не говорят, что он оторвался от воды, потому что он вышел из воды — да, да, он, как и все, вышел из воды и не стесняется в этом признаться. Он всюду скажет, что он вышел из воды, что это вода дала ему крылья и что как бы высоко он ни взлетел... Конечно, он рад бы поплавать, но что делать — приходится больше летать. А уж он бы поплавал так поплавал! Ведь не забывайте, что вышел он из воды...

О, этот жук, этот Большой Водолюб! Недаром он слывет большим водолюбом!

Идеалы

Бразильская Лягушка лает почти как собака и кусается почти как собака, а на голове у нее рога — это уже от коровы, которой она тоже пытается подражать.

Потому что у Бразильской Лягушки два идеала и к каждому из них она стремится приблизиться...

Но если ты собака, то откуда у тебя рога, а если ты корова, то зачем ты лаешь и кусаешься?

Трудно совместить два идеала: чем больше приближаешься к одному, тем дальше удаляешься от другого. Не признают в Лягушке собаку, не признают в Лягушке корову, да и лягушку в Лягушке тоже не признают.

Рыба Лоцман

Раньше думали, что Лоцман служит Акуле, но на самом деле Акула служит Лоцману. Как троллейбус или трамвай.

Лоцман маленький, своими силами быстро не поплывет, вот он и пристраивается к Акуле, держится в слое воды, которая движется вместе с ней.

Акула думает, что он у нее на службе, что он выискивает для нее добычу, а на самом деле все наоборот...

Так бывает, что маленькие используют больших как раз там, где большие будто бы используют маленьких.

Птица Кеклик

Кеклик не любит витать, как другие птицы. Сколько ни витай в облаках, а кормиться вернешься на землю. И пока ты там витаешь, на земле все лучшее скормят другим.

Кеклик не любит оставлять землю, потому что кормится он на земле. Но, как всякой птице, ему нужна высота. А что такое соединение земли с высотой?

Это горы.

Кеклик живет в горах. Кеклику горы заменяют небо. С камешка на камешек, с уступа на уступ...

Это он так кормится: поднимаясь все выше и выше.

Другие кормятся, опускаясь на землю с небес, а Кеклик кормится, поднимаясь все выше и выше. Он никогда не кормится, опускаясь с горы, а всегда — только поднимаясь.

Большое искусство — кормиться, чтобы не опускаться до этого, а, наоборот, подниматься. На это способен лишь тот, кому небо заменяют земные вершины, по которым шагаешь с уступа на уступ, от подножного завтрака возвышая себя до обеда.

Медуза Цианея

Медуза Цианея, величайшая из медуз, никогда не отделяла себя от океана.

— Зачем мне панцирь? — говорила она, когда все увлекались панцирями. — Зачем мне раковина? — говорила она, когда океан заполнили раковины самых разных систем. — Я ведь живу в океане, это мой океан. А чего бояться мне в своем океане?

Медуза Цианея могла бы считаться хозяйкой океана. Во-первых, род ее самый древний, а во-вторых, рост ее — тридцать метров, размеры вполне подходящие. Но медуза Цианея не считает себя хозяйкой океана, потому что не отделяет себя от океана.

— Нас с океаном водой не разольешь! — любит шутить медуза Цианея.

И это правда. Медуза Цианея, как и все представители ее древнего рода, имеет право рассматривать себя как часть океана: ведь она на девяносто восемь процентов состоит из воды. В ней всего два процента примесей, а в остальном она — океан, тем более что ведь и океан не без примесей. Вот и получается, что она — часть океана, совсем небольшая часть, даже если учесть ее метры, но зато часть океана. (Что лучше: быть маленькой частью большого или большой частью маленького? Этот извечный вопрос никогда не возникал перед медузой Цианеей.)

Вот поэтому медуза Цианея никогда не будет хозяйкой океана: разве может быть часть хозяином целого? Нет, у океана другие хозяева — те, которые пытаются себя от него отделить.

И пусть они отделяют себя, пусть заковываются в панцири и прячутся в раковины, им это необходимо, потому что они чужие в океане. А чего бояться ей, медузе Цианее, которая здесь своя? Настолько своя, что порой даже трудно сказать, где кончается океан и где начинается медуза Цианея.

Скальные морские ежи

Входя, не забывайте о выходе. Не следуйте примеру некоторых морских ежей.

Некоторые морские ежи входят в свое жилище, забывая, что им придется из него выходить. И они живут, ни в чем себе не отказывая, тем более, что все это им само плывет в рот.

В такой ситуации, конечно, толстеешь. До того растолстеешь, что потом не пролезешь в дверь. И когда приходит пора выходить, морские ежи начинают сетовать и роптать на судьбу, которая не оставила им выхода. Но разве судьба не оставила им выхода? Судьба дала им выход, когда давала вход. А они, помня о входе, начисто забыли о выходе.

И теперь они мечутся, морские ежи:

— Где выход? Нет выхода!

И жилище их превращается в то, о чем даже грустно сказать. И неудобно сказать, не сняв шляпы.

Гиацинтовые острова

Молодые кайманы плывут на гиацинтовых островах, на островах из цветов, нигде не пустивших корни. От земли своих предков по течением рек они расплываются по материку и выходят в открытое море. Крокодилы редко выходят в море — разве что в молодости, на гиацинтовых островах.

Молодые кайманы уплывают на гиацинтовых островах.

Когда плывешь на гиацинтовых островах, то все вокруг цветет и благоухает, и кажется, что плывешь на облаке среди голубых небес, среди глубин, в которых нельзя утонуть, а можно возноситься все выше и выше. И все, что держало тебя и привязывало к берегу, теперь уходит назад вместе со всеми этими берегами, и все печали твои и все заботы твои уплывают назад с этими берегами, а остается только небо в реке и гиацинтовое облако. Остаются острова из цветов, нигде не пустивших корни.

Острова и цветы привыкли знать свое место. И кайманы привыкли знать свое место — на этом или на том берегу. Но среди цветов попадают чудачки, и среди островов попадают чудачки, и среди кайманов попадают чудачки — и тогда на странствующих островах среди странствующих цветов плывут неизвестно куда странствующие кайманы.

Когда облака пускают корни, приходит конец облакам. И приходит конец мечте, когда она пускает корни в действительности... Но плывут и плывут молодые кайманы на гиацинтовых островах, на гиацинтовых облаках по своему отраженному небу.

Где-то ждет их причал, будущий берег, не отраженная, а истинная земля. Чтобы растянуться во всю длину, почувствовать себя прочней и уверенней, чтобы греться на солнышке, провожая взглядом гиацинтовые острова.

Они все дальше, гиацинтовые острова, они уплывают, гиацинтовые острова... Потому что они из цветов, нигде не пустивших корни.

Море без берегов

Есть на свете Саргассово море, море без берегов, и тому, кто окружен берегами, кто живет в четырех стенах озера или даже в двух стенах реки, как не мечтать о доме без стен, о просторе без границ, как не мечтать о Саргассовом море?

В четырех стенах можно только мечтать, но среди двух стен всегда найдется дорога, и она побежит, потечет, извиваясь среди стен, которые будут вставать у нее на пути, но не смогут ее остановить, потому что река — это всегда дорога. Река — это дорога из берегов, подальше от берегов, туда, где нет никаких берегов, в Саргассово море.

Почему речных угрей гнет из берегов? Многих рыб тянет в берега, даже морских рыб тянет порой в берега, а речного угря тянет в море.

И он, речной, плывет через Атлантический океан, в котором где-то лежит его Саргассово море. Потому что родился он в море, в Саргассовом море. И в этом море он не знал берегов.

Реки впадают в моря, а моря в океаны, и все это долгий, очень долгий, мучительный путь. Но где-то там, быть может, в самом конце, лежит Саргассово море, необыкновенное море без берегов, самое синее, самое прозрачное море, в котором цветут саргассы, необыкновенные водоросли, в котором рождаются необыкновенные речные угри.

Обыкновенные речные угри. Но которые не могут жить без Саргассова моря. И не могут умереть без Саргассова моря. В самой дальней дороге — нет, не могут они умереть!

Страусовы перья

Страус — птица, но рычать он умеет, как лев, а бегать, как самая быстрая антилопа. И он может очень долго быть без воды. Как верблюд. Страус многое может, чего не может никакая из птиц. Но летать он не может, как птица.

Конечно, если бы он летал, ему не пришлось бы бегать, рычать, не пришлось бы сидеть без воды, как верблюду. Он мог бы не подражать ни верблюдам, ни антилопам, ни львам, он мог бы быть самим собой...

Но быть собой для птицы — это значит летать. А Страус только берет разбег и не может от земли оторваться.

Белоснежные перья Страуса возвышаются плюмажем, как у какого-нибудь драгунского полковника, когда полковник, сняв головное убранство, держит его у себя за спиной. Но даже и по сравнению с этим полковником Страус мог бы выглядеть генералом, потому что перьев у него больше, чем у любого полковника. Сорок маховых, шестьдесят рулевых. Даже у орла меньше.

Да, по своему оперению Страус среди птиц генерал, правда, постоянно пребывающий в отступлении, чтобы не сказать — в паническом бегстве. Много охотников отобрать у Страуса его перья, и Страус бежит, отступает, развивает скорость девяносто километров в час, и перья его развеваются, как белые флаги, свидетельствующие о его мирных намерениях. Пусть он генерал, но он ни на кого не нападает, он только бежит, всю жизнь бежит, поднимая над собой свои белые перья.

Перья, что же вы, перья? Много вас у Страуса, но каждое само по себе... Почему бы вам не сложиться в крылья? Вы понесли бы Страуса высоко-высоко, туда, где обитают настоящие птицы, и никто бы вас не догнал. Сорок маховых, шестьдесят рулевых, а махать и рулить — некому. Есть только кому просить о пощаде, трепеща на ветру, как белый флаг.

Перья, что же вы, перья?

Флаги белые над землей.

Для того чтобы летать, перьям нужно сложиться в крылья.

Осторожная птица Соловей

Осторожная птица Соловей осторожно поет свои песни. По ночам, когда спят лишь немногие. Для немногих поет Соловей.

Нет, он не выставляет себя напоказ, подобно тем, которым важно, чтобы их видели, а не слышали. Чтобы о них говорили:

— Смотрите, это он, тот самый... Который поет...

Обычно это плохо кончается. Те, кто старается быть на виду, поют свои песни в клетках. Это понимает Соловей, и он, внешне серенький, незаметный, прячется среди веток, чтоб его только слышали, только слышали — и не все, а лишь немногие, те, кто не спит по ночам.

Ночью не спят влюбленные и те, кого некому полюбить. Ночью не спят от радости или от горя. А кого ничто не тревожит, те спят крепко, и не для них поет Соловей.

Звезды в небе пробиваются на землю сквозь тьму, они несут ей свет среди ночи. Это так важно — свет среди ночи! И для звезд поет Соловей.

Тихий ветер присел отдохнуть в листве — ему бежать далеко. Он бежит из холодных в теплые места, чтобы там, где тепло, знали, что где-то холодно. Вечный вестник... Для ветра поет Соловей.

Он поет для тех, кто умеет слушать даже тогда, когда легче спать. Когда привычнее спать... Поет Соловей свои песни.

Сначала осторожно, чтобы не разбудить тех, кто спит (будить — это дело Петуха, но у него ведь другие песни). А потом все увлеченней, все самозабвенней... Все неосторожней поет Соловей.

Вот сейчас к нему можно подойти, не рискуя его спугнуть. Удивительно, что к нему никто не подходит!

Он забывает про осторожность. Он будит тех, кого обычно будит только Петух, он тревожит тех, кого никто никогда не тревожит...

Впрочем, лишь до тех пор, пока ему не нужно кормить семью. Кормящий Соловей никого не тревожит песнями.

Ковер-самолет

Разве рыбы придумали пароход? Разве птицы придумали самолеты? Тот, кто все имеет, уже ничего не придумывает...

Паук Скакун не имел ничего, и он решил что-то себе придумать.

— Придумай себе аркан, — посоветовал ему паук Арканщик. — Вот погляди: у меня аркан — благое дело! Или у приятеля моего — сачок. Отличный сачок, тоже из паутины. Только лично мне аркан больше нравится: с ним охота поживей.

Арканщик имел аркан, и где ему было понять того, кто ничего не имеет?

— Сачок только для бабочек, — продолжал он свой охотничий разговор, — а я — погляди: кого хочешь тебе заарканю.

И тут паук Скакун решил придумать себе самолет. Может, ему не понравилось слово «заарканю» и он решил куда-нибудь от него улететь, а может, надоело скакать, так, чтобы всякий раз опускаться на землю, — но паук Скакун пораскинул своей паутиной и стал быстро-быстро придумывать из нее самолет.

— Ковер-самолет? — догадался паук Арканщик. — Я тут заарканил одного на ковре-самолете... — И он пошел на охоту, где уже ждал его приятель с сачком, которым можно было ловить только бабочек.

А паук Скакун до конца придумал свой самолет и поднялся на нем, дождавшись попутного ветра. Когда скачешь по земле, как-то не замечаешь, что ветер бывает попутным, а когда сядешь на ковер-самолет, да еще не выбираешь определенного направления... Тут тебе любой ветер попутный, только держись покрепче, чтоб ветром не сдуло, да не очень вниз поглядывай, а то закружится голова.

Самолет набирал высоту; пятьдесят сантиметров... сто пятьдесят сантиметров... триста пятьдесят сантиметров... На высоте пятисот сантиметров повстречалась первая бабочка.

— Какой красный восход! — сказала Бабочка. — На нем так хорошо смотрятся эти красные цветы и эти красные плоды на деревьях... Вы случайно не видели красную стрекозу?

— Почему вы все время говорите «красное»? — спросил Скакун, продолжая набирать высоту.

— Поверьте, не для красного словца. Ведь красный цвет — это любимый цвет птиц, об этом даже в научных книжках написано.

— А вы разве птица?

— Почти, — скромно сказала Бабочка. — По документам, конечно, нет, по документам я — насекомое, но это еще ни о чем не говорит. — Она вплотную приблизилась к пауку Скакуну и спросила: — Вам известно, что насекомые не воспринимают красного цвета?

— Неизвестно, — сказал паук Скакун, стараясь поскорей набрать высоту, потому что с этой Бабочкой ему, кажется, грозила авария.

— Между нами, — сказала Бабочка, когда между ними уже ничего не могло быть, кроме неминуемой катастрофы, — представьте себе, они не воспринимают. А я воспринимаю. Об этом и в научных книжках написано: бабочки — единственные из всех насекомых, способные воспринимать красный цвет. Представляете? Любимый цвет птиц... Поэтому я почти не считаю себя насекомым.

— Не нужно так размахивать крыльями, — сказал паук Скакун, опасаясь за свой самолет. И он плавно взмыл вверх, словно показывая, как это можно летать и вместе с тем не размахивать крыльями.

— Не красна изба углами, а красна пирогами! — крикнула на прощание Бабочка, то ли

приглашая Скакуна в гости, то ли набиваясь в гости к нему.

Девятьсот пятьдесят сантиметров... Тысяча девятьсот пятьдесят сантиметров... Подъем проходил благополучно. На высоте двух тысяч сантиметров Скакуну повстречалась Первая птица.

— Что это вы нарушаете? — строго спросила Птица. — Разве вам не известно, что полеты без крыльев запрещены?

— У меня нет крыльев, — сказал паук Скакун, — у меня самолет. Это я сам себе придумал.

— Любитель, значит, — определила Птица. — Беда с этими любителями. Напридумывают, потом за них отвечай.

— Это, наверно, потому, что я летел на красный цвет? — сказал паук Скакун, имея в виду цвет восхода. — Но почему вы не говорите про красный цвет? Разве вы не любите красного цвета?

— Так вы, значит, различаете красный цвет? — обрадовалась Птица. — Тогда летите. Это у нас насекомым-дальтоникам высокие полеты запрещены.

И паук Скакун полетел, набирая высоту. Пятьдесят тысяч сантиметров... семьдесят тысяч сантиметров... Далеко внизу остались и паук Арканщик, и приятель его с сачком, и Бабочка со своим удивительным птичьим зрением. Паук Скакун поднимался все выше и выше, и на пути ему попадались только птицы-регулирующие...

Но на высоте пятисот тысяч сантиметров уже не было птиц. Все, кто имеет крылья, остались внизу — все, кто что-то имеет, рано или поздно остаются внизу, а наверх поднимаются те, кто ничего не имеет. Кто сам себе придумывает — и паровоз, и пароход, и самолет...

Куда залетел паук Скакун? Говорят, его видели где-то на высоте семисот пятидесяти тысяч сантиметров. Но кто его мог там видеть? Кто поднимется до такой высоты?

Конечно же, только тот, кто сам себе придумает крылья,

СЛАБЫЕ МИРА СЕГО

Слабые мира сего

Колибри старается подражать насекомым, хотя принадлежат они к разным классам и между этими классами постоянная борьба, в которой постоянно побеждают птицы и постоянно терпят поражение насекомые.

Почему же Колибри, птица, старается подражать насекомым, которые терпят поражение, а не птицам, которые одерживают победу?

Колибри, как пчела, питается нектаром цветов, и полет Колибри напоминает полет насекомого. А сердце Колибри бьется со скоростью шестисот ударов в минуту — как будто кто-то гонится за Колибри, как будто кто-то преследует Колибри, как преследуют только насекомых. И даже змеи, которые в темноте видят всех теплокровных, Колибри не видят, потому что у Колибри, как у всех насекомых, по ночам холодеет кровь.

Почему же Колибри, птица, старается подражать насекомым, которых всюду преследуют, которые терпят одно поражение за другим?

Потому что Колибри не чувствует никакого превосходства над насекомыми, по своему росту и положению Колибри ближе к насекомым, и в насекомых Колибри видит своих братьев — пусть не по классу и не по происхождению, а всего лишь навсего по несчастью.

Интервью с Мезозойской эрой

В мезозойскую эру не было на Земле ледников и почти совсем не было холодов. Мягкий климат, дремучие пралеса... Было очень хорошо на земле в мезозойскую эру.

Появляются новые горы, новые моря, вокруг которых разбиваются приморские парки. И на всей земле — ни единой пустыни. Разве это не хорошо?

Но спросите у первого встречного грызуна (из самых первых на земле млекопитающих):

— Грызун, тебе хорошо?
И он ответит:
— Нет, мне не хорошо. Потому что не столько я грызу, сколько меня грызут. Не забывайте, что мы живем в век динозавров.
А спросите у первой встречной черепахи (из самых первых на земле черепах):
— Черепаха, тебе хорошо там, под панцирем?
И она ответит:
— Нет, мне не хорошо. Потому что по нашим временам — разве такой нужно иметь панцирь?
А теперь спросите у первого встречного динозавра... Динозавр в переводе — Страшный Ящер, но вы не бойтесь, смело подходите и спрашивайте:
— Тебе хорошо, динозавр?
И как вы думаете, что он вам ответит?
— Нет, мне не хорошо, — скажет он. — Мне страшно...
Конечно, страшно. Страшным страшной всего. От себя ведь не спрячешься.
Вот она — мезозойская эра: все как будто есть — и леса и моря, все вокруг хорошо, но — от себя не спрячешься. Под самым надежным панцирем от себя не спрячешься...
Динозавры вымерли в свой собственный век.

Кенения удивительная из племени Арахнид

Кенения Удивительная и сама удивляется, что живет. При выходе на сушу, когда все меняли жабры на легкие, Кенения совершила неудачный обмен: и жабры у нее отобрали и без легких оставили. Возникает вопрос: а как же жить? Неизвестно как, но Кенения приспособилась. Она дышит кожей, хотя это, конечно, уже не то. Ни глубоко вдохнуть, ни с облегчением выдохнуть.

Затем, когда стали распределять места на земле, Кенению почему-то загнали под землю. Разве можно жить под землей? Вероятно, нельзя, но Кенения приспособилась. Она живет под землей и редко выходит на свет, и вообще она плохо относится к свету. Может быть, потому, что когда всем раздавали зрение,

Кенению тоже обошли, и она осталась слепой. Конечно, приспособилась, но с тех пор она не выносит света.

И опять возникает вопрос: как же так?

С одной стороны, не видеть света, а с другой — его ненавидеть...

Разве это возможно?

Конечно, нет.

Невозможно.

Но Кенения приспособилась.

Смотрите в оба

У рыбы Четырехглазки два глаза, но каждый из них смотрит в оба: и вниз, откуда на Четырехглазку могут напасть, и вверх, откуда на Четырехглазку могут напасть, — и сверху и снизу на Четырехглазку могут напасть, поэтому каждый ее глаз должен смотреть в оба.

Глаза у нее устроены так: нижняя часть держит в поле зрения воду, верхняя контролирует воздух. А сама Четырехглазка — между воздухом и водой. Между воздушной и водной опасностью.

Нужно только смотреть в оба — и туда смотреть в оба и сюда смотреть в оба... И тогда между ними, двумя опасностями, между огромной верхней и огромной нижней опасностью, между воздушной опасностью и водной опасностью проляжет тонкая, тончайшая линия — безопасность.

Жирафа

Жирафа выше всех на десять голов, а язык у нее — целых полметра. Вот бы поговорить таким языком!

Но никто не умеет так молчать, как Жирафа.

Даже маленькие воробьи — и те помаленьку чирикают, даже кузнечики — и те что-то стрекочут.

А Жирафа молчит.

Может, потому, что она выше всех на десять голов? Может, она боится уронить свое достоинство?

Трудно сказать, почему Жирафа молчит. Почему, даже погибая, она не крикнет о помощи. Даже львы кричат о помощи, даже тигры кричат о помощи, все на свете кричат о помощи, а Жирафа молчит.

Может, потому ее и называют — Жирафа, что означает — милая? Часто милыми называют тех, кто молчит, кто, даже имея очень длинный язык, хорошо умеет держать его за зубами.

Почему Кит такой большой

Кит живет среди акул, поэтому ему нужно хорошо вырасти. Если будешь расти кое-как, то совсем не вырастешь. Потому что вокруг — акулы.

И Кит растет. Он прибавляет в день по центнеру, в месяц — три тонны, а там, глядишь, доберется и до ста тонн. А то и до ста пятидесяти.

Теперь он — как большой корабль, правда, не военный, а мирный корабль, потому что сам он ни на кого не нападает. А вокруг него акулы, как шлюпки.

Пустит Кит фонтан, даст команду:

— Эй, на шлюпке, посторонись!

И шлюпки сторонятся, и он проплывает среди них, и спокойно бьется его сердце, которое весит полтонны...

Да, это очень важно — своевременно вырасти!

Карась — не идеалист

Карась, которого многие считают идеалистом, на самом деле далеко не идеалист. Он понимает, что щука — это щука, но что же прикажете — помирать? Конечно, лучше, чтобы без щук, чтобы во всей реке не было ни одной щуки, но ведь могли бы быть и одни щуки, и что тогда?

Допустим, все рыбы в реке были бы щуками. И пескарь был бы щукой, и окунь был бы щукой, и плотва... Куда бы тогда Карасю податься?

Нет, Карась не идеалист, он понимает, что податься было бы некуда. А так — еще ничего...

Да и не в одних щуках дело. Бывает, как занесет в какой-нибудь горячий источник, где температура почти пятьдесят градусов, кто такое выдержит? Конечно, выдержать невозможно, но что же прикажете — помирать?

Карась не собирается помирать. Он понимает, что горячая вода все же лучше, чем совсем без воды, и что грязная вода лучше, чем совсем без воды, и много щук лучше, чем одни только щуки.

Нет, Карась не идеалист, просто он умеет сравнивать. И хотя его считают самой живучей рыбой, никакой он не живучий, далеко не живучий. Просто он не собирается помирать.

Секрет охоты

На ловца и зверь бежит — бежит потому, что сам считает себя ловцом, а не зверем. Кто есть кто?

Собственно, этот вопрос и выясняется в процессе охоты.

Смиранный Рябчик

Дикушу называют «смиранным рябчиком». Похоже, что это так.

Сидит Дикуша на дереве, смиренно сидит, как ни один из обычных рябчиков, конечно, сидеть не станет. Потому что попробуй так посидеть: глядишь, кто-нибудь и накинёт тебе петлю на шею.

Так ловят Дикушу. Ему просто накладывают петлю на шею и снимают с дерева, как созревший плод.

— Простоват наш Дикуша, — говорят о нем другие рябчики. — Поглядите-ка: сам сует голову в петлю! Может, он думает, что ему подносят лавровый венок? Может, он ждет, что на него водрузят корону?

Но разве это не естественно — сунуть голову в петлю, чтобы увидеть, что там, по другую сторону петли? Ведь никто не знает, что там, по другую сторону петли. А хочется знать.

Дикуше хочется знать.

А кому не хочется?

Старость моллюсков

Если бы молодость видела... Но она не видит, у нее для этого не хватает глаз.

С годами панцирные моллюски смотрят на мир все новыми и новыми глазами, пока их, глаз этих, не наберется до десяти тысяч штук.

Десять тысяч глаз вроде бы многовато, но ведь сколько приходится повидать, пока состаришься... Может быть, оттого и старишься, что многое приходится повидать, что с каждым годом смотришь на мир все новыми и новыми глазами...

Чем хороша темнота

У мексиканской пещерной рыбки совершенно исчезли глаза, и теперь она не видит опасности. Когда-то у нее были глаза, неплохие глаза, но они видели только одни опасности, то есть то, что меньше всего хочется видеть. И пещерная рыбка забила в свою пещеру и навсегда погрузилась в темноту.

Некоторые боятся темноты: конечно, бывает в ней страшновато. Но по крайней мере хоть не видишь опасности — вот чем хороша темнота!

В борьбе с природой

Среди жителей пустыни Сахары улитка гелицида являет пример того, как можно жить и не ждать милостей от природы. Правда, нельзя сказать, что живет она полной жизнью. Гелицида спит — до лучших времен. На год, на два, на три она засыпает — до лучших времен. Когда дождь прольется, росток пробьется...

Важно иметь хороший сон. Здоровый, крепкий сон. Тот, кто имеет здоровый сон, может не ждать милостей от природы.

Змея Эфа

В пустыне горы воздвигаются на века, а осыпаются от легкого дуновения ветра. И

миражи в пустыне разливаются реками и зеленеют садами...

Когда живешь в пустыне, где всюду обман, очень важно уметь произвести впечатление. Если это умеешь, тогда даже трусость может сойти за героизм.

Поглядите-ка на змею Эфу.

Вот она бросается на противника. Она вся устремлена к нему, и волны ее катятся на него — угрожающе, устрашающе волны Эфы катятся на врага...

Но сама она движется в обратную сторону.

— Вперед!

Это значит: назад!

— На врага!

Это значит: спасайся, кто может!

Отличная тактика. Можно всю жизнь отступать, но при этом важно, чтоб отступление выглядело как наступление.

Опыт жизни

Опоссум так ловко притворяется мертвым, что даже падает с дерева и уже сам не может сказать, мертвый он или живой. А что вы думаете — в этом так просто разобраться? Когда всю жизнь притворяешься, на каждом шагу притворяешься, как тут сказать с уверенностью — опоссум ты или уже не опоссум?

Неполнозубые

Неполнозубые появились на свет раньше других, когда еще в помине не было хищников, но вот уже у хищников полный комплект зубов, а неполнозубые так и остались неполнозубыми...

По этому поводу больше всех беспокоится Броненосец. Когда вокруг столько зубов, говорит Броненосец, нужно хорошенько заковаться в броню. И он заковывается в броню, потому что он неполнозубый, а когда ты неполнозубый, приходится хорошенько заковаться в броню.

Трубказуб посиживает с трубкой в зубах и относится ко всему с философским спокойствием:

— Не было на свете хищников, а неполнозубые были. Не будет на свете хищников, а кто будет? Неполнозубые.

Так рассуждать можно только с трубкой в зубах, и Трубказуб рассуждает с трубкой в зубах, сохраняя спокойствие. Его считают толстокожим, и он действительно толстокожий, а толстокожему незачем заковываться в броню. Ему главное — трубку в зубы (для этого всегда хватит зубов).

Муравьед помалкивает, он не станет зря болтать языком. Он болтает языком, но не зря (причем со скоростью ста шестидесяти болтаний в минуту). Муравьед пускает в ход язык только в кругу доверчивых муравьев, которые липнут к его языку в надежде услышать что-нибудь новенькое. Но ничего новенького они не услышат. Муравьед не станет зря болтать языком. Хотя, конечно, ему есть о чем рассказать, на что пожаловаться: из всех неполнозубых он самый неполнозубый — у него попросту нет зубов. Но кому станешь жаловаться? Муравьям?

Да, у всех неполнозубых проблем полон рот (там, где у других зубы, у них только проблемы), но Ленивец является счастливым исключением. Может, он и заковался бы в броню, как Броненосец, да только ему лень. И трубку взять лень, не говоря уже о том, чтобы болтать языком со скоростью — шутка сказать! — ста шестидесяти болтаний в минуту. Вообще-то Ленивцу неплохо и так, без брони, без трубки и даже неполнозубому.

Он развешивает себя на дереве, как белье, и висит без движения, так что в нем даже заводится моль — это уже не как в белье, а как в шубе. И его не смущает проблема

неполнозубости, потому что когда полно зубов, как-то невольно находится им работа. «У кого зубов полон рот, у того забот полон рот», — мог бы подумать Ленивец, только пусть уж за него Трубказуб думает, ему это больше подходит — с трубкой в зубах.

А Трубказуб думает с трубкой в зубах: «Почему это Ленивец висит на дереве вверх ногами? Неужели ему даже лень перевернуться, чтобы занять в мире нормальное положение? Когда так висишь, все хищники получают над головой, и не только хищники, но и самые мелкие твари... Может, потому Ленивец так мало двигается? — думает Трубказуб. — Когда все над головой — и большие и маленькие, пропадает всякая охота... Но, с другой стороны, — думает Трубказуб, — птицы тогда под ногами. И небо под ногами. Хотя, конечно, над головой вся земля. А ведь это нелегко, когда над головой вся земля. Но, с другой стороны, если учесть, что под ногами небо...»

Так думает Трубказуб с трубкой в зубах и никак не может понять, почему Ленивец висит вверх ногами. И Броненосец не может понять — слишком он заковался в броню. И Муравьед не может понять — у него свои дела, муравьиные. Ленивец, наверное, мог бы сказать, если б не лень сказать. Когда вокруг одни полнозубые, он мог бы сказать, когда со всех сторон на тебя наставлены зубы, тут поднимешь не только руки — и ноги вверх, да так постепенно и привыкнешь жить вверх ногами.

Градоначальник Осьминог

Градоначальник Осьминог живет в большом городе, построенном из камней. Из этих камней градоначальник сложил себе дом, самый лучший во всем городе. Этот дом находится в самом красивом месте, а внутри его самая вкусная в городе морская вода. И из дома этого открывается самый приятный вид (у Осьминога самые большие в мире глаза, так что для него вид много значит).

А когда Осьминог идет в город, он снимает со своего дома самую большую в городе крышу и несет ее перед собой.

— Эгей, посторонись! Расступись! — кричит Осьминог, выставя, как щит, свою плоскую крышу.

Потому что он градоначальник, а что положено делать градоначальнику? Прежде всего — отгородиться от своих подчиненных.

Один из морских ежей

Сказать о том, что этот морской еж ходит на зубах, — значит испугать всех рядовых пешеходов. Добавить, что он ходит на иглах, — значит еще больше испугать пешеходов, да вдобавок сильно озадачить портных. Чтобы ходить на иглах и на зубах, нужно быть очень уж страшным чудовищем.

Но этот еж не чудовище. Просто он ходит на зубах. Другие не ходят на зубах, но зубы у них тоже не сидят без работы. А он ходит на зубах. Гуляет на зубах. Для него прогулка на зубах — лучший вид отдыха.

Нельзя сказать, чтобы этот еж только гулял на зубах, если только гулять на зубах, то, как говорится, быстро протянешь зубы. Нет, он сначала погуляет, а потом поест. А после еды снова погуляет (это особенно полезно — прогулка после еды). Причем он ест все подряд, не перебирая. Он совершенно всеядный еж.

Правда, всеядность его больше в том заключается, что его самого все едят. Несмотря на то, что он гуляет на зубах, распугивая пешеходов, и что он ест все подряд, его едят все подряд.

Так он сочетает всеядность со съедобностью. Но называют его все-таки Съедобный Морской Еж. Не Всеядный, а Съедобный Морской Еж.

Потому что ценят его не за всеядность, а за съедобность.

Там, где трудно дышать

Легче всех дышится Вьюну, потому что он преспокойно дышит желудком. Высунул голову из воды, глотнул воздуха — и лежи себе, слушай, как он там движется по пищеводу. Желудок — верное дело, желудок не подведет, поэтому легче дышится тем, кто во всем полагается на желудок.

— Там, где трудно дышать, нужно уметь глотать, — так формулирует Вьун свою жизненную позицию.

Не так просто быть Прилипалой

Да, не так просто быть Прилипалой. Прилепиться-то просто, но только вопрос — к кому? К кому прилепиться — это очень важный вопрос, главное дело — знать, к кому прилепиться. Прилепишься к кому-нибудь, а его, глядишь, заглотнут. И все, песенка спета... Нет, тут надо выбирать кого покрупней. Акулу, например...

Прилипала выбирает Акулу.

Конечно, Акула тоже не идеал, Акула хищник, и Прилипала за многое ее осуждает. Ему, прямо сказать, не по душе ее поведение. Но Акулу не заглотнут, и вот этим она нравится Прилипале.

Впрочем, тоже до поры, до времени.

Вот поймают Акулу, потащат на корабль, тогда Прилипала мигом отлепится. От Акулы, конечно. А прилепится к кому? К кораблю.

Нет, не то, чтобы Прилипала его одобрял, Прилипала, прямо сказать, его осуждает. И он первый отлепится, если корабль, допустим, будет идти ко дну. Когда корабль идет ко дну, тут самое главное — поскорей отлепиться.

Трудная жизнь у Прилипалы. У всех рыб жизнь трудная, но у него к тому же еще и хлопотная: только и гляди, кто кого потопит, кто кого заглотнет. В этом деле главное — не ошибиться. В этом деле ошибаются один раз...

Другие ошибаются один раз.

Но Прилипала не ошибается.

Когда звери улыбаются

Звери тоже улыбаются, хотя чувства юмора они лишены.

Почему же они улыбаются?

Звери улыбаются, чтобы показать противнику зубы.

Волк улыбается, чтобы показать зубы, и кролик улыбается, чтобы показать зубы.

У волка зубы большие, ему есть что показать, но не станет же волк показывать зубы кролику! Поэтому волк улыбается редко, и только тем, у кого зубы не меньше, чем у него.

А у кролика зубы маленькие, и ему приходится чуть ли не каждому улыбаться.

Биография землеройки

Среди первых млекопитающих, населявших Землю в древние времена, была и маленькая, совсем маленькая Землеройка. Она вступила на землю в отряде насекомоядных, и это ее передовой отряд завоевал землю для всего класса млекопитающих.

С тех пор прошло много лет. Отряд насекомоядных рассеялся по всему свету. Многих из них не узнать: одни вышли в лошади, другие в олени, третьи даже во львы. Мало осталось на земле насекомоядных, да и те никуда не вышли. Потому что слишком памятливы им те времена, когда они, насекомоядные, впервые шли по земле в своем передовом отряде...

Где-то они сейчас, верные друзья? Еж, говорят, отпустил колючки. Землеройка помнит его без колючек — ну, конечно, он был тогда еще совсем молодой... А Крот бродит, говорят,

под землей, тоже роет землю, как и она, Землеройка. Ослеп, говорят, совсем, — наверно, от старости.

Да, непросто это теперь — быть насекомоядным... Была бы Землеройка другой, она бы тоже выросла, как другие. Стала бы медведем или даже слоном. Но она не может забыть, как они тогда шли по земле, не может изменить своему отряду. Все-таки замечательный это был отряд!

Зима... Спят спокойно медведи и все, кто может спокойно спать. Все, кто может спокойно спать, погружаются в долгую зимнюю спячку. Землеройка не впадает в спячку — слишком многое не дает ей уснуть.

И она роется в земле, маленькая, по-прежнему маленькая Землеройка, мечтая где-нибудь повстречаться с Кротом и повспоминать с ним, как шли они тогда по земле — не под землей, а именно по земле! — и рассказать ему о Еже, который, говорят, отпустил колючки...

Калабария

В случае опасности змея Калабария выставляет вместо головы хвост. Голову она прячет подальше, а хвост поднимает вверх и поводит им из стороны в сторону и даже как будто пытается укусить.

Конечно, хвост уступает голове, нет у него того соображения, но он будет вполне на месте, если его повыше поднять. И к тому же он совершенно не видит опасности.

Очень важно в опасный момент не видеть опасности. Не слышать опасности. Не размышлять об опасности. Короче говоря, вместо головы выставить хвост. Высоко, как можно выше поднять хвост — это помогает сохранить голову.

Почему Линя называют Линем

Если Линя вытащить из воды, он линяет, как плохо выкрашенная рубашка. Он ведь, собственно, и не рассчитан на то, чтоб его вытаскивали из воды. Поэтому он линяет, меняет окраску, пытается приспособиться к новой среде, стать таким с, как воздух, не только бесцветным, но даже прозрачным.

Однако это ему не удастся. А кому удастся? Никому, хотя многие пытаются приспособиться к воздуху. Бесцветных-то много, а вот прозрачных — нет.

Глупый Сивка

В трудную минуту Глупый Сивка строит из себя дурачка, поэтому его называют Глупым Сивкой.

Вот, допустим, к гнезду приближается враг, а в гнезде еще не высиженное потомство. Как должна поступить серьезная птица при виде такой серьезной опасности? Либо спасти потомство, либо отражать нападение врага.

Сивка же начинает выкидывать свои фокусы. То он взлетает, то падает, как подбитый, то вдруг начинает кувыркаться, как какой-нибудь клоун. И хотя ему, конечно, невесело и хотя сердце его колотится, как будто его там заперли на замок, но он веселится, изо всех сил веселится, так что на него невозможно серьезно смотреть.

Смотрит враг на Глупого Сивку и забывает о недовысиженных его птенцах. И думает враг: «Ну и Сивка, до чего же ты глупый, Сивка!»

А Сивка еще больше старается, словно всем своим видом хочет сказать: «Да, я глупый, я очень глупый, я прямо-таки шут гороховый, ну что с меня, с дурака, возьмешь?»

И враг идет дальше, потому что с дурака взять нечего, враг уходит, смеясь и удивляясь тому, что есть на свете такие глупые сивки. А Сивка, убедившись, что враг ушел, перестает дурачиться и спешит к своему гнезду и серьезно, очень серьезно, как настоящий отец,

продолжает высиживать свое недовысиженное потомство.

Но еще долго не может он успокоиться, и сердце у него прямо выскакивает, как будто где-то там сорвали замок, и Сивке страшно, теперь ему страшно, а раньше было весело! Раньше он кувыркался, а теперь сидит и дрожит, хотя раньше надо было дрожать, а теперь можно бы и покувыркаться...

Карапузик

Жук Карапузик только и делает, что притворяется мертвым. Чуть какой шум, чуть какой стук или треск, а Карапузик уже мертвый. Это он так притворяется.

Мертвому не так страшно, да и вообще как-то спокойнее. Особенно Карапузику.

Лучше уж притворяться мертвым, чтоб не умереть от страха, чем умирать от страха, а притворяться живым.

Начало млекопитающих

Одним принадлежит прошлое, другим принадлежит настоящее. А тем, кому ничего не принадлежит, как правило, принадлежит будущее.

Когда млекопитающие появились на Земле, им здесь принадлежало только будущее. Но будущее в то время не имело никакой цены. Земноводные дорожили своим прошлым, в котором у них были стегоцефалы, не уступавшие сегодняшним динозаврам. А динозавры жили только сегодняшним и, отмахиваясь от будущего, заявляли, что после них — хоть потоп. (Потоп действительно был после них: они не дожили до потопа.)

Когда появились первые млекопитающие, на Земле был век динозавров, которых за глаза называли ящерами, а в глаза динозаврами, что означало то же самое в переводе на иностранный язык. И хотя динозавры иностранного языка не понимали, они называли себя именно так. Впрочем, они могли называть себя как угодно, потому что это был их век. А лягушки, которых все называли лягушками, потому что век их давно прошел, вспоминали этот прошедший век и тайком напевали уже давно непопулярную песню: «Были когда-то и мы стегоцефалами!»

Необходимо отметить, что царство стегоцефалов было некогда могучим царством и правили им могучие цари, которые ни перед кем не обнажали голову, чем и стяжали славу стегоцефалов (покрытоголовых). Эти стегоцефалы были властителями земли и воды, поскольку небо в то время было еще не освоено. Столица земноводного царства длинной лентой тянулась вдоль берега океанов, морей и рек, а по обе стороны ее простирались провинции, в одних из которых было изобилие влаги, в других — изобилие засухи, что в сумме составляло именно то изобилие, какое требовалось земноводному царству.

Цари земли и воды буквально разрывались между землей и водой: в воде по-прежнему жили рыбы, которые цеплялись за свои старые рыбы традиции, а на земле зарождалось что-то новое, которое знать не хотело воды. Царство земноводных трещало по всем швам — по всем берегам, соединявшим воду и сушу. И наконец оно рухнуло, похоронив под собой царей земли и воды, стегоцефалов. Из всего царства земноводных только маленькие лягушки да еще тритоны и саламандры дожили до новых времен, потому что они не были царями, они всегда были подданными — и в царстве стегоцефалов, и в царстве динозавров, во всех царствах, водных и земных, они всегда были подданными, только подданными. И они живут, потому что им нужно совсем немного: немножко воды и немножко земли. И еще им нужно: собраться где-нибудь вечером и, перебивая друг дружку, вспоминать, вспоминать... И запеть, перебивая друг дружку: «Были когда-то и мы стегоцефалами!..»

Итак, лягушкам принадлежало прошлое, динозаврам принадлежало настоящее. Кроме прошлого и настоящего, ничего другого не было на земле. И вот в эти, чуждые им, времена появились млекопитающие.

Тяжкая пора безвременья, как ее пережить, когда в жилах у тебя горячая кровь, а у всех

остальных — кровь холодная?

— Применяться к обстоятельствам, — говорили лягушки, — согласовать свою температуру с температурой окружающей среды. На первых порах почаще смотреть на термометр, потом это войдет в привычку.

Млекопитающие не хотели смотреть на термометр, у них была постоянная температура, независимая от окружающей среды.

— Своя температура! — еще больше холодели лягушки. — Независимая от среды! Ну, знаете... В свое время и мы были стегоцефалами, но даже в те времена... мы не могли себе это позволить.

До млекопитающих никто не мог себе это позволить, они были первыми теплокровными, заявившими о своем несогласии со средой. Подумать только: даже огромные ящеры приспосабливались к среде, а эти, у которых ничего за душой — ни прошлого, ни настоящего...

Конечно, прошлое было у млекопитающих, только оно им не принадлежало. И вообще, это было такое прошлое, о котором лучше всего забыть. В прошлом млекопитающие были пресмыкающимися, правда, не огромными ящерами, а маленькими, незаметными, что было единственным спасением в мире, в котором можно существовать лишь до тех пор, пока тебя не заметят. В то время у них была холодная кровь, совершенно нормальная холодная кровь, приспособленная к внешней температуре.

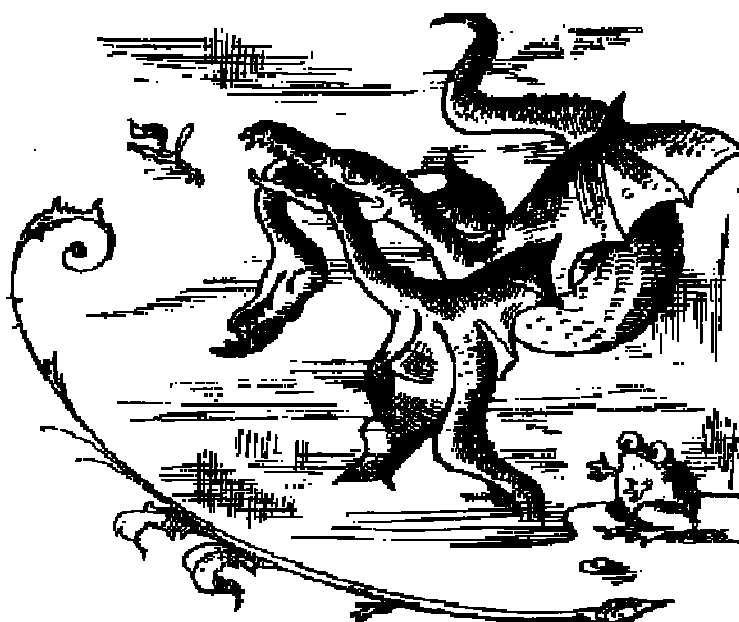
А потом... Можно придумать много легенд о том, как холоднокровные стали теплокровными. Это может быть легенда о первой большой любви или о первом большом сочувствии, или о первом восхищении красотой. Но факты говорят о другом. Факты говорят о том, что теплокровность в те времена была далеко не безобидным явлением. Теплокровных преследовали за теплокровность. Изохренная физиология динозавров дошла до того, что они на расстоянии чуяли теплую кровь, улавливая тысячные доли градуса. И уже за тысячную долю виновный подлежал съедению.

— Просто поразительно, до чего мы сами не умеем себя беречь, — говорили лягушки, хотя они-то умели себя беречь. Впрочем, они имели в виду млекопитающих: — Быть незаметными — что может быть лучше в наш ужасный век? И сделать все, чтоб тебя заметили. И какая разница, что у тебя за кровь, если из тебя ее выпускают?

Лягушкам это было непонятно. Они считали, что нужно иметь такую кровь, какую легче сохранить в сложившейся обстановке. А теплокровность... Ну скажите, разве это так уж принципиально — теплокровность?

Для млекопитающих это было принципиально, потому что причиной их теплокровности было несогласие с внешней средой. Во внешней среде жара сменялась морозами, бросая все население то в холод, то в жар, и, чтобы не зависеть от этого, нужно было иметь свою постоянную температуру. Ведь вот динозавры, могучие динозавры вымерли, когда наступили холода, потому что не имели своей постоянной температуры.

Предыстория человечества не менее героична, чем история человечества. И кто знает, может, не было б на земле человечества, если б не было на земле тех, первых, не имевших ни славного прошлого, ни мало-мальски терпимого настоящего — а только будущее, одно только будущее, да еще горячую кровь.

Над чем смеется птица Кукабарра

Над чем смеется птица Кукабарра? В лесах, в которых она живет, гораздо больше страшного, чем смешного. Мороз подирает по коже — тот самый мороз, о котором рассказывают птицы, прилетевшие с Севера, — подирает по коже здесь, посреди тропических лесов. И в глазах темнеет, как будто наступила полярная ночь, о которой рассказывают птицы, прилетевшие с Севера...

Над чем же смеется птица Кукабарра? Она смеется утром, едва проснувшись, и в полдень, перед тем, как съесть свой обед, она смеется каждый день, в одни и те же часы, хотя для смеха нет никакого повода. Она смеется так громко, что все страхи, которые бродят в лесу, отступают куда-то в глубину, прячутся за деревья. И уже не так подирает мороз и светлеет полярная ночь...

Так вот почему смеется птица Кукабарра! Потому что вокруг больше страшного, чем смешного, но если посмеяться, если хорошо посмеяться, то вокруг станет больше смешного, чем страшного.